

14. ГАЗК. Ф. 56. Оп. 10. Д. 23. Л. 47–48.
15. ГАИО. Ф. 600. Оп.1. Д. 1262. Л. 67.
16. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1262. Л. 103.
17. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1262. Л. 164.
18. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 529.
19. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 238.
20. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1262. Л. 100–101.
21. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1028. Л.1.
22. РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 115. Д. 48. Л. 2.
23. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1030. Л. 13–15.
24. РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 51. Л. 151–151 об.
25. РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 74 об.
26. РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 115.
27. РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 120.
28. ГАИО. Ф. 780. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
29. ГАИО. Ф. 64. Оп 2. Д. 55. Л. 11.
30. ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10459. Л. 10.
31. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 943. Л. 77.
32. ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10459. Л. 27.
33. ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10459. Л. 810.
34. ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10249. Л. 247–248.
35. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 943. Л. 292.
36. ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 114. Л. 1.
37. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 1006.
38. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 405–409.
39. РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 59 об. – 60.

УДК 94(47).084

С.И. Кузнецов

Проявления протеста в лагерях японских военнопленных на территории СССР (1945–1956 гг.)

Аннотация. Статья посвящена истории организации открытых протестов японских военнопленных в лагерях на территории Советского Союза в 1945–1956 гг. Автор приходит к выводу, что условия содержания военнопленных в лагерях на территории СССР, безысходность и отсутствие ясных перспектив толкали военнопленных к разным формам протеста: саботажу, отказу от работы, побегам, членовредительству и т. д. При этом протест японцев был менее активным и массовым в сравнении с военнопленными других национальностей.

Ключевые слова: японские военнопленные в СССР, ГУПВИ НКВД-МВД СССР, лагеря военнопленных в СССР, протест военнопленных.

S.I. Kuznetsov

Manifestations of a protest in camps of the Japanese prisoners of war in the territory of the USSR (1945–1956)

Summary. Article is devoted to history of the organization of open protests of the Japanese prisoners of war in camps in the territory of the Soviet Union in 1945–1956. The author comes to a conclusion that conditions of keeping of prisoners of war in camps in the territory of the USSR, the hopelessness and lack of clear prospects pushed prisoners of war to different forms of a protest: to sabotage, refusal of work, escapes, mutilation etc. At the same time the protest of Japanese was less active and mass in comparison with prisoners of war of other nationalities.

Keywords: the Japanese prisoners of war in the USSR, GUPVI of People's Commissariat for Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs of the USSR, prisoner-of-war camp to the USSR, a protest of prisoners of war.

Несколько сот тысяч военнослужащих японской армии, взятых в плен в ходе советско-японской войны 1945 г. (по разным оценкам – от 540 до 610 тыс. чел.) осенью 1945 г. были направлены в лагеря военнопленных на территории СССР, подчинявшиеся Главному управлению по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) МВД СССР. Режим и охрана военнопленных регламентировались документами МВД, собранными в 1946 г. в «Сборнике приказов и директив НКВД-МВД СССР и указаний ГУПВИ МВД СССР по вопросам режима и охраны военнопленных в лагерях МВД».

Тяжелый физический труд, бесправное положение, невыносимые условия лагерного существования (особенно в 1945–1946 гг.) порождали различные формы протеста японских военнопленных: письма к руководству советского государства (Председателю Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову, председателю Совета Министров Н.А. Булганину и другим); отказ выходить на работу; голодовки, саботаж, членовреди-

тельство, самоубийства и др. Одной их форм протеста были побеги из лагеря обычно дисциплинированных, отчасти покорных судьбе японцев. Эта сторона жизни иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР – одна из малоизвестных. Специальных работ по этой теме в отечественной историографии практически нет, что объясняется недоступностью источников. Одна из сравнительно недавних работ – статья М.В. Ходякова, посвященная побегам в эстонских лагерях военнопленных в 1945–1949 гг. касается в основном немецких военнопленных [1].

За все годы плена (1945–1956 гг.) в лагерях системы ГУПВИ практически не было сколько-нибудь крупных выступлений японцев. Попытки организации подпольных групп контролировались и пресекались оперативно-чекистскими отделами администрации лагерей, в среде военнопленных было немало осведомителей, да и сама масса японцев была разобщена. Это разобщение поддерживалось администрацией лагеря, которая, проводя политику индоктринации военнопленных, инициировала создание прокоммунистических объединений военнопленных вроде «Обществ друзей» или «Политических кружков». Да и сами иерархические традиции японской армии, где офицеры и солдаты были отдельными мирами, не способствовали каким-либо объединениям. Один из массовых случаев неповиновения, произошедший в хабаровском лагере № 16 в декабре 1956 г. был описан бывшим главным военным прокурором СССР генерал-лейтенантом Л.М. Заикой. Кстати, именно этот руководитель советской военной юстиции вместе с двумя другими крупными чинами военной прокуратуры – генерал-майорами В.П. Фроловым и А.Е. Борискиным 24 сентября 1991 г. прибыли в Токио и вручили документы о реабилитации 188 бывшим военнопленным, осужденным в свое время советскими судами.

В хабаровском лагере № 16 содержалось несколько сотен японских военнопленных, осужденных к различным срокам заключения уже в советских лагерях. Репатриация основной массы военнопленных уже закончилась, здесь же оставались осужденные за шпионаж бывшие сотрудники Японской военной миссии в Маньчжурии, бывшие служащие жандармерии и полиции, работники научно-исследовательских отделов

ЮМЖД, пограничники и другие. В декабре большая часть японцев, недовольная результатами медицинского комиссования санчасти лагеря и выводом на работу больных, отказалась выходить на работу. Администрации лагеря были предъявлены их требования: «Не выводить на работу с температурой свыше 37⁰, с кровяным давлением более 150 мм., а также страдающих невралгией, радикулитом, ревматизмом. Освободить от работы всех заключенным старше 55 лет, а старше 50 лет – использовать только в пределах зоны. Никто из администрации лагеря не должен вмешиваться в работу санчасти. Переговоры с заключенными допускаются только на территории зоны. Начальство не должно выявлять зачинщиков неповиновения и подвергать их наказанию» [2].

Попытки местных властей урегулировать конфликт были безуспешными. Противостояние продолжалось в течение нескольких месяцев. Военнопленные создали «Штаб руководства», который, по сведениям осведомителей-японцев, «агитировал не поддаваться ни на какие уговоры администрации, не выходить на работу и стоять до конца, то есть добиться возвращения на родину» [3]. В Хабаровск были направлены старшие офицеры из Главной военной прокуратуры. Находившиеся в этом же лагере контр-адмирал Куроки Годзи и генерал-майор Сакама Кунъити направили письмо на имя Председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина: «В связи с насильной отправкой властями лагеря больных и слабосильных на работу 19 декабря заключенные лагеря № 16 г. Хабаровска, где мы находимся в данное время, обратились с прошением об улучшении управления и обращения с японцами... Мы оба глубоко обеспокоены дальнейшим развитием событий и считаем необходимым немедленное разрешение вопроса с точки зрения установления дружбы и всеобщего мира между советским и японским народом» [4].

Дело дошло до ЦК КПСС. Секретарь ЦК А.Б. Аристов, курировавший административные органы ЦК КПСС, распорядился: «Ликвидировать бунт, восстановить установленный для заключенных порядок, добиться подчинения их советским законам и заставить работать. При этом не должно прозвучать ни одного выстрела и чтобы не было ни одной жертвы» [5]. Ход операции известен из докладной записки в Главную военную

прокуратуру: «В 5 часов 30 минут 11 марта в зону лагеря введены войска в количестве 1040 человек. Оперативно-войсковые группы вошли в жилые бараки. Предварительно по радио, а также через переводчиков в бараках было объявлено требование прекратить неповиновение, снять голодовку и в течение 10 минут всем способным к самостоятельному передвижению собраться, одеться и выйти на проверку в указанное место. Оказалось, что входы в бараки были забаррикадированы, и войсковые группы вынуждены были взломать двери и преодолеть другие препятствия... Никто из заключенных ... добровольно из бараков не вышел. Значительная часть заключенных, сцепившись друг с другом, пыталась остаться в бараках. В связи с оказанием сопротивления, оперативно-войсковые группы были вынуждены применить физическую силу и вывести упорно сопротивляющихся из бараков. Всего выведено из бараков 488 человек. 158 человек отправлены в пересыльную тюрьму, 33 человека переведены на тюремный режим, 297 оставлены в лагерьном отделении № 2. В последующие два дня на тюремный режим переведены еще 11 заключенных из числа активных зачинщиков и организаторов массового неповиновения... Убитых и раненых среди наших войск и японцев не было. В результате операции в тот же день 11 марта все заключенные приняли пищу и заявили, что намерены выполнять требования администрации лагеря» [6].

Столь компромиссное решение конфликта, тянувшегося несколько месяцев, объяснялось тем, что 3 июня 1955 г. в Лондоне начались переговоры о нормализации советско-японских отношений и, как следствие, уже 12 июля по Указу Президиума Верховного Совета СССР 86 заключенных лагеря № 16 освобождались и возвращались на родину. В октябре 1956 г. были освобождены и все остальные. Приведенный случай – один из немногочисленных. Следует учитывать то обстоятельство, что участие в этой акции неповиновения приняли военнопленные, уже около десяти лет находившиеся в лагере и осужденные в большинстве случаев несправедливо.

Попытки создания нелегальных организаций, подстрекательства к отказу от работы и саботажу были в других лагерях – длительное содержание в плену без ясной перспективы на возвращение в Японию вызывало у многих военнопленных

ожесточение и чувство протеста. 26 июня 1946 г. в лагерном отделении № 1 лагеря № 28 (пос. Инкур, Закаменский район, Республика Бурятия) за распространение антисоветских листовок была задержана группа военнопленных японцев. Оперативно-чекистский отдел выявил организатора – Кобаяси Тосио. В 1947 г. в лагере № 6 (г. Улан-Удэ) выявлена «фашистская группа», участники которой 23 августа «написали и вывесили в зоне лагеря листовку антисоветского характера, призывающую военнопленных хранить традиции императорской Японии и не воспринимать демократию» [7].

В 1946 г. в том же 6-м лагере была выявлена «реакционная группа во главе с подполковником Эгути Кадзуо и майором Мори Минэо. В ходе допроса майор Мори показал: «Будучи на протяжении ряда лет воспитанным в враждебном отношении к Советскому Союзу, я с самого начала пленения нас советскими войсками, а затем содержания нас в качестве военнопленных в СССР, я проводил среди военнопленных работу, направленную к тому, чтобы как можно меньше они делали пользы для СССР.... Среди военнопленных я вел разъяснительную работу, направленную против демократических мероприятий, проводимых советскими органами. Я старался всеми мерами сохранить среди военнопленных их патриотический национальный дух к своему государству и императору, вселял в них веру в построение будущей новой, сильной империалистической Японии. Я говорил им, чтобы они сохраняли свое здоровье для восстановления своего государства, не обращали внимания на требования русского лагерного командования о выполнении производственных заданий и норм выработки. Для этого я писал для военнопленных различные инструкции, а также сочинял стихи, в которых указывал военнопленным, как нужно относиться к работе. Моими единомышленниками я считаю подполковника Эгути, майора Судзуки, капитана Таканаяги, старшего лейтенанта Мацуиси. Кроме этого, нам помогал поводить в жизнь среди военнопленных враждебную работу старший лейтенант Морита, лейтенант Синго и лейтенант Хасимото» [8].

В Тайшетлаге протест японцы выражали в стихийных митингах и в анонимных листовках, распространяемых в лагере. Оперативно-чекистские отделы расценивали это как антисо-

ветскую деятельность и профашистские демонстрации, усиление фашистской реакции [9].

Своеобразной формой протеста и уклонения от работы было членовредительство. Особенно оно было распространено среди военнопленных только в 1946 г. 11 марта 1947 г. МВД СССР даже распространило на военнопленных положение директивы № 242 от 15 октября 1946 г. об уголовной ответственности за членовредительство. В конце 1946 г. в Бурятии Военным трибуналом по статье 193-12 был осужден военнопленный Яманиси Кэнити, который, работая на лесозаготовках, отрубил себе четыре пальца левой руки.

Некоторые из военнопленных, осужденных в лагере (в основном по 58-й статье) подавали просьбы о пересмотре их дел. Среди них был капитан Коноэ Фумитака – сын японского премьер-министра Коноэ Фумимаро. В жалобе от 8 августа 1953 г. на имя председателя Совета Министров СССР он писал: «Прочитав в последних номерах газет сообщения о преступных действиях Берия, я пришел к выводу, что являюсь жертвой его произвола, злоупотребления судебным правом и искажением советского правосудия.., получил приговор за несуществующие факты преступления. Я был взят в плен и 14 января 1952 г. приговорен по статье 58-4 (помощь, оказываемая международной буржуазии) к 25-летнему тюремному заключению... Прошу Вас пересмотреть мое дело. Я верю в справедливость и гуманность советского правосудия и надеюсь получить благоприятный для меня ответ»[10].

Были и другие, более активные формы протеста. В их числе – отказ от работы, подача жалоб в различные инстанции и т. д. Заключенный хабаровской тюрьмы № 1 Хамада Сэйити написал письмо бывшему тогда (март 1956 г.) Председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову, в котором жаловался на тюремную администрацию и условия содержания. Хамада писал, что японцы военнопленные устроили в Хабаровске забастовку и не вышли на работы. В то время, как администрация отправляла работать даже больных, не обращая внимания на доводы заключенных, что невыход на работу военнопленными рассматривается как «единственный способ самосохранения», ибо «на следующий день после возвращения из плена в Японию нам придется работать и кормить свои се-

мы», что десять лет они отработали «покорно и честно» и «все ослабли физически».

Из кабаровского лагеря № 16, в котором содержалось несколько сотен японцев, на имя Председателя Совета Министров Н.А. Булганина было направлено письмо контр-адмирала Куроки Годзи и генерал-майора Сакама Кунъити: «В связи с насильственной отправкой властями лагеря больных и слабосильных на работу 19 декабря 1955 г. заключенные лагеря № 16, где мы находимся в настоящее время, обращаются с прошением об улучшении управления и обращения с японцами. Они уже имели переговоры с местными властями по поводу урегулирования этого вопроса, однако не пришли ни к какому решению. В данное время все японцы надеются на благоприятное решение вопроса только представителями Москвы. Мы глубоко обеспокоены дальнейшим развитием событий и считаем необходимым немедленное решение вопроса сточки зрения установления мира между советским и японским народами. Мы оба покорнейше просим Вас, Ваше превосходительство, прислать сюда немедленно представителя Вашего правительства» [11]. Письмо пришло в Москву в январе 1956 г., но до адресата не дошло, так как было переправлено в главную военную прокуратуру. К этому времени японские военнопленные не только отказались выходить на работы, но и объявили голодовку. Их уполномоченный Ёсида Сабуро предъявил властям следующие требования: «не выводить на работу больных с температурой выше 37, с кровяным давлением более 150 мм, а также страдающих невралгией, радикулитом, ревматизмом; переговоры с заключенными допускаются только на территории зоны; начальство не будет выявлять зачинщиков неповиновения и подвергать их наказанию» [12].

Японцы требовали и максимально ускорить репатриацию, мотивируя это тем, что «немецкие заключенные уже в Германии, а мы на Советский Союз не нападали. Почему же нас держат здесь?» – спрашивали они.

Несмотря на достаточно жесткое подавление этого бунта, японцы добились того, что уже 15 марта для всех заключенных был проведен медосмотр. Выяснилось, что 189 японцев – инвалиды или серьезно больны. Все они были переведены на усиленное питание.

Вероятно, бунт в Хабаровске ускорил освобождение 86 заключенных лагеря № 16 и возвращение их на родину. Однако организаторы бунта подпоручик Такано Харуо, Ёсида Сабуро, Тоса Тосио и Нува Тосио остались в тюрьме и были репатрированы в числе последних. Один из организаторов бунта – Такано Харуо был водворен в тюрьму 11 апреля 1956 г. сроком на 1 год с характеристикой: «С декабря 1955 г. по март 1956 г. от работы отказывался. Принимал активное участие в массовом неповиновении лагерной администрации, являлся активным участником «штаба сопротивления» [13].

Документы свидетельствуют, что участники хабаровского бунта не были единодушны. Среди них были осведомители, которые докладывали о ситуации в лагере администрации. Некоторые втайне от товарищей по заключению направляли из зоны записки, в которых заверяли власти в том, что они не поддерживают забастовщиков, но вынуждены им подчиняться под воздействием угроз и принуждения. 10 января 1956 г. такое письмо написал фельдфебель Курода Тосио: «Сейчас мои соотечественники-японцы, пребывающие в 1-м лагерном отряде, спровоцированные наглými военными преступниками-японцами, нарушили лагерную дисциплину и отказались от работы. Я как один из японцев искренне сожалею об этом и не знаю слов извинения перед советским народом и советским правительством. Это наглое выступление является самым гнусным делом... Если вы оцениваете мое честное признание и строгое соблюдение дисциплины в лагере и примете решение освободить меня досрочно, то это будет для меня величайшим счастьем!»

Противники бунта, а их было 28 человек, даже объединились и создали «демократическую группу», сделали подобные заявления. Каждый выбирал свой путь к скорейшему освобождению и возвращению на родину. Как показали дальнейшие события в Хабаровске, сговорчивых и послушных ожидало снисхождение, а непокорных – ужесточение режима и откладывание возвращения на родину.

Главной причиной возмущения японцев было их длительное удерживание в плену, когда основная масса военнопленных уже вернулась в Японию. Хабаровский бунт стал возможным лишь вследствие заметного ослабления режима после 1953 г.

До этого любое неповиновение пресекалось жестоко и решительно. Да и сама администрация лагерей опасалась допустить любое возмущение со стороны военнопленных, тщательно собирала информацию о недовольствах через осведомителей из числа самих японцев.

Не редкими, особенно в первые годы нахождения в СССР, были побегии японских военнопленных. Официальная статистика МВД в 1943–1948 гг. зафиксировала 11403 иностранных военнопленных, совершивших побегии из советских лагерей. Наибольшее число побегов приходилось на 1946 год – 5761. Мало кто из бежавших смог достичь поставленной цели. Из общего числа бежавших 10445 были задержаны, 292 убиты при задержании, 666 военнопленным удалось первоначальной уйти от преследования, однако в последующем 316 человек были задержаны. Судьба еще 350 осталась неизвестной [14].

Военнопленный Листвянского лагеря № 5 (Иркутская область) Ивао Акай пытался совершить безрассудный побег зимой 1946 г., который был обречен на неудачу, поскольку путь до Японии был очень далек.

Но, видимо, таковы были условия лагеря, толкавшие людей, фактически, на самоубийства. Историк из Улан-Удэ О.Д. Базаров разыскал в архиве МВД Бурятии письмо, которое оставили беглецы одного из лагерей своим товарищам: «Господам командирам Мацуока, Исикава, Кимура и всем солдатам... Наконец, мы совершаем побег из Сибири, несмотря на то, что у нас не имеется ни одной географической карты... Мы хорошо знаем, что побег – это крайне легкомысленное действие. Но мы решили совершить побег, так как у нас физические силы с каждым днем слабеют, и мы думаем, что в конце концов умрем здесь. Пожалуйста, извините. Нам уже известно, что наш побег – наверное неудача, так как мы должны встретиться в лесах с волками, на пути – ГПУ и на границе – пограничная охрана... Мы идем своим путем, результаты которого уже известны» [15].

Побег пытались совершить Накамото Цуёси 1914 г. рождения, жил в Кумамото, Амакуса, деревня Горизэ, Кикицуги Ёсидзиро, 1911 г. рождения из г. Нагасаки и Ёсида Тэцуо, 1905 г. рождения из Миядзаки, Катакаси, деревня Яmano. Что случилось с этими военнопленными в дальнейшем – неизвестно.

За время существования лагерей в Иркутской области военнопленные пытались совершить побеги более 25 раз. В Бурятии из лагеря № 6 только в течение 1946 г. совершили побег 30 военнопленных. В 1947–1948 гг. здесь были лишь единичные случаи побегов (начавшаяся репатриация породила надежду на скорое возвращение домой). Для поимки беглецов на местах создавались специальные «бригады содействия» из числа местных комсомольцев и активистов. В одной только Бурятии их насчитывалось 45 общей численностью 645 человек. Осуществляя целенаправленный поиск, эти «бригады содействия» задерживали и бежавших ранее.

Например, при розыске военнопленного Мураками, бежавшего из 3-го лаготделения в Бурятии 15 апреля 1946 г. в 12 часов ночи, на частной квартире в Улан-Удэ «бригадой содействия» был задержан беглый военнопленный из 1-го лаготделения. В апреле того же года в д. Нижние Тальцы были арестованы двое неизвестных японцев, живших там около недели. В Бурятии были даже случаи, когда беглые японцы нанимались на работу к местным крестьянам, в надежде переждать зиму, заработать на одежду и пропитание для продолжения побега. Как правило, беглецы вскоре задерживались и возвращались в лагеря. Документы архивов свидетельствуют, что по России в каждом лагере в год было не более двух-трех попыток бегства. Беглецов находили в первые же дни [16]. Думается, что в действительности их было гораздо больше – лагерное начальство не было склонно афишировать все случаи побегов, это свидетельствовало бы об ослаблении режима и беспорядке в лагере.

Судьба многих беглецов была печальной. 24 декабря 1945 г. на Первомайском руднике (лагерь № 28, Бурятия) при побеге был застрелен военнопленный Хакураи Хидэо, уроженец г. Нагоя, 7 января 1946 г. в районе села Верхние Тальцы совершил побег с лесоповала Рэнко Нобору, 1925 г. рождения. При задержании был застрелен. 19 ноября 1946 г. в городе Гуси-ноозерске (Бурятия) в 23 часа 15 минут местного времени при попытке к бегству был смертельно ранен Миякава Цуёси, 1923 г. рождения уроженец г. Фукуока, префектура Явата. Были и другие случаи побегов, которые, впрочем, прекратились почти полностью с началом репатриации японцев на родину.

Один из драматических случаев побега описан в книге бывшего военнопленного, известного японского историка, археолога и антрополога Като Кюдзо. В Тайшетлагере бежали капрал Номикава Хатири, солдаты Миано Дайсабуро и Танно Гоити. Этот побег, в описании Като Кюдзо, сопровождался случаем канныбализма. «Намикава и Миано долго уговаривали Танно бежать с ними. Все это делалось ради того, чтобы убить его и съесть. Танно был убит топором сзади» [17]. Като Кюдзо считает, «что их план побега был слабо продуман. Неужели они надеялись, что им удастся пройти несколько тысяч километров через густую тайгу. Как могли они поверить в это! Хорошо известен случай, когда на Филиппинах, на острове Гуам лейтенант Онода и капрал Йокои прожили 30 лет в джунглях. Но в суровых сибирских условиях подобное было абсолютно исключено. Вряд ли по тайге можно далеко уйти от погони... Тайга – это тюрьма под открытым небом, разве могут беглецы выжить в ней, разве могут они выйти из нее живыми? Скорее всего, они умрут от голода или станут добычей волков и медведей» [18].

К побегам военнопленных побуждал суровый режим в лагерях и на работе. Охрану в зонах, при перевозках и на работе вели подразделения внутренних войск, которых не интересовало здоровье военнопленных, условия их жизни и работы. Главное для них заключалось в том, чтобы любой ценой не допустить побега. Внутри лагеря распоряжалась лагерная администрация, которая подчинялась местным управлениям внутренних дел. Зачастую охрана состояла из малообразованных, ограниченных и жестоких людей, развращенных атмосферой вседозволенности сталинских лагерей. Человек для них – будь то японец или русский, был лишь «лагерной пылью». Очевидцы рассказывали о многочисленных случаях избиения военнопленных, отбирания у них личного имущества конвоирами при «шмонах». Л.Д. Стасюк из Листвянки вспоминает: «Моя мама часто упрекала конвоиров, живущих в нашем доме, – зачем те так жестоко обращаются с японцами, а если бы вы оказались в плену, каково было бы вам?» [19].

Бывшему военнопленному Като Кюдзо особенно запомнилась унижительная процедура ежедневных обысков в лагере: «Нас выстраивали в пять рядов, и каждый стелил перед собой

одеяло, на котором раскладывал все свои личные вещи. Затем подходил офицер и строго смотрел, нет ли среди имущества военнопленного ножа, лезвия, лекарств, магнита, карты. Считалось, что эти вещи необходимы в случае побега. Как правило, на одеяло выкладывали пальто, перчатки, головные уборы, белье. Все было очень грязное. Комплект одежды каждого человека был зарегистрирован у советского офицера, каждый отвечал за имущество военнопленных. Если среди этих жалких пожитков, находили недозволенные предметы, их отбирали. Перед офицером приходилось отвечать, когда из имущества что-то пропадало. Кроме одежды военнопленным разрешалось иметь мешки, пустые консервные банки, деревянные ложки и кое-что еще. Консервные банки следовало заделывать так, чтобы о них нельзя было порезаться. У некоторых военнопленных было по 3, а то и по 10 таких банок для табака, сахара, соли. Хлеб и фотографии хранили в сделанных своими руками специальных мешках.

Проверка отнимала много времени. К концу на специальном одеяле, куда офицер кидал конфискованные вещи, вырастали горы разного барахла. Иногда здесь оказывался нож или серебряная цепочка от часов» [20].

Иногда бывало, что обыск был лишь предлогом для изъятия у военнопленных ценных или понравившихся конвою вещей. В одном из лагерных отделений Тайшетлага инструктор антифашистского отдела В.С. Червов, используя служебное положение, во время обыска военнопленных японцев обнаружил часы и присвоил их. «Чтобы не достались другому, я взял их себе», – объяснил он свои действия [21]. Во 2-ом строительном отделении этого же лагеря были случаи, когда «ответственные работники колонн отбирали деньги и вещи у японцев. Это влекло за собой недисциплинированность среди японцев» [22].

Побег из лагеря был лишь одной из форм протеста военнопленных против неволи и условий существования в лагерях. Особенно активно военнопленные стали роптать в 1948–1949 гг., когда началась массовая репатриация. Тем, кто задерживался в лагере, было непонятно, почему уезжают на родину одни, но в то же время остаются и продолжают работать в Сибири другие.

Согласно данным ГУПВИ в 1946–1956 гг. было убито при побегах, утонуло, покончили жизнь самоубийством 1046 японцев в лагерях ГУПВИ [23]. Обстоятельства побега были различные. В Карагандинской области Казахстана, по мнению авторов труда «Японские военнопленные в Карагандинской области», созданию условий к побегам способствовала и сама лагерная администрация, которая неточно выполняла приказы и инструкции. Идя навстречу хозяйственным органам, лагерная администрация выдавала военнопленных на рабочие объекты, не приспособленные для работы военнопленных. Военнопленные, к тому же, общались с местным населением, которое состояло преимущественно из высланных и спецпереселенцев и поэтому, в определенной своей части, лояльно было настроено к контингентам военнопленных. Поскольку это обстоятельство не учитывалось лагерной администрацией, то уже в 1945 г. только лагерь № 99 имелись 20 случаев побегов и попыток к побегам военнопленных и интернированных» [24]. 99-й лагерь был смешанный, здесь содержались и немецкие, и японские военнопленные. Характерно, что большинство побегов здесь совершали немцы. Японцы же были или более дисциплинированы, или осознавали безнадежность побега.

Предотвращать побегі должна была оперативно-чекістская работа администрации лагеря. Не меньшее значение отводилось и организации охраны военнопленных и интернированных. По аналогии с учреждениями ГУЛАГа вокруг лагерей военнопленных создавалась сеть лагерных ограждений. Согласно инструкциям НКВД, лагерная зона по периметру обносилась забором (в некоторых случаях – двумя или тремя) из колючей проволоки высотой 2,5 м. По периметру устанавливались вышки, оборудованные прожекторами, средствами связи и сигнализацией. Охрану военнопленных на территории лагерей (спецгоспиталей) осуществляли вахтерские команды. Вахтерский состав комплектовался как по призыву, так и по вольному найму через местные военкоматы за счет демобилизованных военнослужащих старших возрастов, а также за счет спецконтингента, т. е. солдат и командиров Советской Армии, проходивших фильтрацию в спецлагерях [25].

Некомплект конвойных войск и вахтеров способствовал тому, что японцы часто, особенно к концу 40-х годов были

расконвоированы. Существовало понятие «самоохраны», когда за сохранность контингента отвечали их же собственные офицеры. В лагерях в западной части страны создавались даже целые «команды самоохраны», которые получали небольшое денежное вознаграждение. Больше это было распространено в лагерях немецких военнопленных. В соответствии с утвержденным 27 июля 1949 г. «Положением о самоохране в лагерях МВД для военнопленных» в нережимных отделениях лагерей для несения службы по охране зон лагерных отделений, конвоированию пленных на работу и с работы, охране их на производстве стали организовываться команды самоохраны (КС). Команда самоохраны комплектовалась из числа проверенного антифашистского состава бывших солдат противника, как правило, владеющих русским языком и изъявивших желание нести службу в этих командах. Общая численность команды определялась из расчета один конвоир на 25 военнопленных [26].

В случае побегов, для поисков военнопленных могло привлекаться и местное население. По аналогии с ГУЛАГом, в окрестностях лагерей создавались бригады содействия (БС). Последние формировались на добровольных началах из партийно-комсомольского актива колхозов, совхозов, местных общественных организаций. Члены БС использовались для оцепления районов, куда предположительно бежали пленные; для наблюдения за дорогами и тропами, прилегавшими к лагерю; для прочесывания лесных массивов, где могли укрыться беглецы [27].

Впрочем, имеются и противоположные примеры. 16 мая 1946 г. с места работы на паровозоремонтном заводе в Улан-Удэ совершил побег Окуяма Сэйити, 1915 года рождения и через 8 дней был задержан в с. Баянгол Хоринского аймака. На допросе он показал, что в одном из населенных пунктов в 30 км от Улан-Удэ он двое суток работал в хозяйстве местного жителя. Последний снабдил японца продуктами питания на дальнейшую дорогу. Окуяма получал помощь и в других деревнях. В аналитической справке МВД это находит подтверждение: «...бежавшим военнопленным в период передвижения их по районам Бурят-Монгольской АССР, местное население вместо

задержания военнопленных, оказывает некоторую помощь в пути следования, снабжает их продуктами питания» [28].

В диссертации А.Л. Кузьминых приведена следующая статистика побегов из лагерей военнопленных: во-первых, количество беглецов в лагерях ГУПВИ было незначительным и составляло в среднем 2 чел. на тысячу военнопленных. Во-вторых, только 2,5 % беглецов удалось уйти от преследования. В 1947 г. из 2123 бежавших 57 чел. (2,7 %) были убиты при задержании, в 1948 г. из 574 – 10 чел. (1,7 %). При этом число японцев в общем количестве беглецов всех национальностей (немцы, венгры, румыны и др.) не превышало 3 % [29].

Вероятно один из последних побегов японцев был совершен в ночь на 3 августа 1952 г. из лагеря МВД № 16 (Хабаровский край). Побег совершили четверо осужденных военных преступников из числа бывших японских военнопленных. По результатам работы комиссии МВД СССР, направленной в Хабаровск для расследования обстоятельств побега, С.Н. Круглов подверг аресту сроком на 20 суток с содержанием на гауптвахте начальника лагеря, понизил в звании и снял с работы начальника лагерного отделения и его заместителя по оперативной работе, охране и режиму. Предупреждение о неполном служебном соответствии было вынесено начальнику УМВД Хабаровского края генерал-майору Цареву, исполняющему обязанности начальника УПВИ МВД СССР генерал-лейтенанту А.З. Кобулову было поручено разработать новую инструкцию по охране и режиму содержания военных преступников как контингента особой категории. Японских генералов, содержащихся в Хабаровском лагере № 16, в целях пресечения их влияния на остальных осужденных военнопленных, перевели для дальнейшего содержания в лагерь № 48 Ивановской области [30].

Таким образом, в лагерях японских военнопленных имели место разнообразные формы открытого протеста: явное вредительство и саботаж на производстве, целью которого был срыв производственных заданий; разные формы антисоветской агитации и пропаганды; членовредительство, обморожения и симуляция болезней; отказ от приема пищи и от работы под любым предлогом; сознательная порча оборудования и инструментов; попытки самоубийства; противодействие активистам и участникам лагерной программы индоктринации и т. д. Ла-

герные власти предпринимали различные меры для пресечения всех форм протеста. Виновные в саботаже военнопленные наказывались арестом на 10–20 суток, а наиболее злостные нарушители предавались суду военного трибунала, который мог лишить их свободы на срок до 10 лет с отбыванием его в исправительно-трудовых или режимных лагерях. Судебные процессы над военнопленными за умышленные нарушения лагерного режима были достаточно распространенным явлением в сибирских лагерях военнопленных вплоть до начала 1948 г.

Радикальной формой протеста, вследствие невозможности или нежелания адаптироваться в лагере, утраты надежды когда-либо вернуться на родину был побег из лагеря. Следует отметить, что в сравнении с военнопленными других национальностей, побегии японцев никогда не носили массового характера.

Список источников и литературы

1. Ходяков М.В. Побегии иностранных военнопленных из лагерей НКВД-МВД Эстонии в 1945–1949 гг. // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 222–249.
2. Бюллетень Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных (Цуруока) № 139. 1991. 5 ноября. С.16.
3. Там же. С. 17.
4. Там же. С 17–18.
5. Там же. С. 19.
6. Там же. С. 19–20.
7. Базаров О.Д. «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945–1948 гг.). Улан-Удэ, 1997. С. 79.
8. Архив МВД РБ. Ф. 57-Л. Оп. 1. Д. 6. Т. 1. Л. 44.
9. Там же. Д. 300. Л. 15, 18.
10. Бюллетень Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных (Цуруока). 1994. № 10. С. 26–27.
11. Там же. 1991. № 139. С. 17–18.
12. Там же. С. 16.
13. Там же.
14. Военнопленные в СССР 1939–1956 гг. Документы и материалы/ Под. ред. М.М. Загоруйко. М.: Логос, 2000. С. 36.
15. Архив МВД Бурятской Республики Ф. 57Л. Д. 11, Л. 163.
16. Там же. Д. 15. Л. 70.
17. Като Кюдзо. Сибирь в сердце японца. Новосибирск: Наука, 1992 С. 75.
18. Като Кюдзо. Сибирь в сердце японца. Новосибирск: Наука, 1992. С. 69, 74.
19. Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену. Иркутск, 1997. С.140.
20. Като Кюдзо. Сибирь в сердце японца. Новосибирск: Наука, 1992. С. 62–63.

21. Государственный Архив новейшей истории Иркутской области. (ГАНИО). Ф. 4765. Оп. 1. Д. 60. Л. 15.

22. Там же. Д. 15. Л. 9.

23. Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР. 1941–1952: отчетно-информационные документы и материалы. Серия «Военнопленные в СССР». Т. 4 / Под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004.

24. Японские военнопленные в Карагандинской области / Под ред. Н.О. Дулатбекова. Караганда, 2011. С. 367.

25. Кузьминых А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.). Дис. д-ра ист. наук. Архангельск, 2014. С. 247.

26. Сидоров С.Г. Организация охраны военнопленных и борьба с побегами в лагерях НКВД–МВД СССР в 1941–1952 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2015. № 4 (34). С. 103–104.

27. Там же. С. 249.

28. Цит. по: Базаров О.Д. «Сибирское интернирование» японских военнопленных в Бурятии (1945–1948 гг.). Улан-Удэ, 1997. С. 80.

29. Кузьминых А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.). Дис. д-ра ист. наук. Архангельск, 2014. С. 251.

30. Русский архив: Великая Отечественная. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР. Т. 24 (13). М.: Терра, 1996. С. 544–545.

УДК 94(47).084

Такэси ТОМИТА

Немецкие и японские военнопленные в СССР: сравнительно-историческая оценка

Аннотация: История пребывания немецких и японских военнопленных в СССР имела общие черты и отличия. И те и другие одинаково были заключены в лагерях, снабжались продовольствием, принуждены были работать и подвергались политической индоктринации. При этом смертность немецких военнопленных была выше, чем японских; немецкое антифашистское движение в лагере вначале имело целью свержение гитлеровской власти в Германии, а японское, после поражения Японии в войне, сначала имело цель демократизации страны.